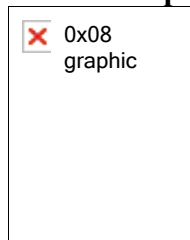

"Процесс 14-ти". Воспоминания Веры Фигнер

Оригинал здесь -- <http://www.hronos.km.ru/dokum/1800dok/1884memo14.html>

В.Н.Фигнер:

"Была суббота, 22 сентября 1884 г., когда в 10 часов вечера жандарм неожиданно принес мне пальто и шляпу: из Петропавловской крепости меня перевезли в Дом предварительного заключения. Зачем понадобилось окружать это таинственностью и тревожить человека в поздний час, когда он уже собирался лечь спать, -- не знаю. Но вся тюремная система, насколько я испытала ее на себе до суда и после него, организована так, что сознательно или бессознательно ведет к расстройству нервов, которые она держит в напряжении то посредством тишины, то разными неожиданностями.

Разумеется, в эту ночь я не сомкнула глаз. Меня поместили в камеру, как раз против места, где сидела дежурная надзирательница. По непонятной предосторожности большая форточка в двери была откинута и оставалась открытой в коридор в течение всей ночи. Две дежурные, сошедшиеся поболтать, занимались этим все время напролет, усевшись против двери, и не давали забыться ни на минуту. На другой день я едва стояла на ногах, когда меня повели на свидание с матерью и сестрой Ольгой. На этот раз не было двух сеток, на расстоянии полутора аршин одна от другой, и после двадцати месяцев заключения я в первый раз могла поцеловать руку матери. Мы могли сидеть и говорить сколько угодно, но, привыкнув к молчанию и двадцатиминутным. свиданиям в две недели раз, я скоро так устала, что сама просила мать уйти: завтра должен был начаться надо мной военный суд.

Утром в понедельник, часу в 10-м, по запутанным переходам, лестницам и коридорам меня привели в комнату, где уже были выстроены мои 13 товарищей по суду. Между каждыми двумя стоял жандарм с саблей наголо. Нельзя было ни обнять, ни пожать друг другу руку. Оно и к лучшему: одно уж изменение наружности могло заставить разрыдаться. Как было глядеть спокойно на бледные, желтые лица, прежде такие бодрые и жизнерадостные, на истомленные фигуры, из которых иные носили явный отпечаток надломленности. Глядеть -- и с горестью сознавать, что в этом процессе все мы объединены не одной только революционной деятельностью, но приведены на скамью подсудимых вероломным предательством изменившего друга. И во все время суда, во всех перипетиях его, и гласно, и негласно чувствовалась рука Дегаева, на все наложившая свой позорный, отпечаток и камнем давившая! нам душу.

Приходили свидетели -- не со стороны обвиняемых, призывались эксперты -- по вызову обвинительной власти, и читались Возражений почти не было. Одна только Чемоданова, раньше бывшая в административной ссылке, с развязной болтливостью старалась убедить судей в своей невиновности. Она так обстоятельно и складно вела свое повествование, что даже я, самолично вызвавшая ее, готова была усомниться: да полно, уж и впрямь не приехала ли она в Харьков исключительно по своим личным делам и совершенно случайно попала в тайную типографию партии "Народная Воля"?

Остальные товарищи были сдержанны и молчали, думая свою тяжкую думу. Только Волкенштейн была беззаботна и подвергалась неприятным окрикам председателя суда. "Подсудимая Волкенштейн! вам говорят -- перестаньте шептаться". "Отодвиньтесь на конец скамейки!" и т. д.

Что касается меня, то я изнемогала. После тишины и одиночества Петропавловской крепости невыносимо было напряжение нервов от перемены обстановки. Ошеломленная видом товарищей, возбужденная соседством и голосами людей, как и светом больших люстр по вечерам, -- я не могла вынести до конца ни одного заседания и уходила в камеру, чтобы дать передышку измученным нервам.

В перерыве приходила мать с сестрой, и нервам давалась новая работа, пока с грустью не приходилось сказать: "Уйдите! нет больше сил..."

Как на предварительном следствии я письменно изложила все, касавшееся моего личного участия в революционном движении, не желая ни на йоту умалить мою ответственность перед существующим законом, так и на суде мое поведение определилось тем же мотивом. Поэтому я совершенно не нуждалась в защите. Однако, я пригласила присяжного поверенного Леонтьева 2-го, объяснив ему, что единственная цель моего обращения -- возможность говорить наедине: я должна была сделать последние распоряжения, но это было невозможно на отданиях с матерью, так как при нас неизменно сидела надзирательница.

Во время предварительного заключения, зная, что я люблю цветы, сестра не раз обращалась с